

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ОТПОР АГРЕССИИ, КОЛЛЕКТИВНАЯ ЗАЩИТА МИРА

Речь Народного Комиссара иностранных дел СССР товарища М. М. ЛИТВИНОВА на пленуме Лиги наций

ЖЕНЕВА, 21 сентября. (ТАСС). Сегодня утром на пленуме Лиги наций выступил первый делегат СССР тов. М. М. Литвинов. Тов. Литвинов сказал:

«Господа председатель, господа!»

Должен признаться, что я испытывал некоторые колебания, прежде чем выступить здесь, и я думаю, что те же колебания не чужды и другим делегатам. Я спрашивал себя: разве не сохраняет полностью свою силу все то, что нами говорилось и предлагалось с этой трибуны год тому назад, по поводу доклада 17 ассамблеи и нужно ли что-либо в этом прибавить? В самом деле: зло, о котором мы здесь тогда говорили, продолжает отравлять международную атмосферу и раздвигать Лигу наций. Агрессия, в теории и в действительности, не только не исчезла, а, наоборот, еще выше подняла голову, еще нагляднее показывает свое безразличное лицо и находит все новые и более частые проявления и во все более резкой форме.

К агрессивным явлениям в замаскированной форме на юго-западе Европы прибавились такие же явления в голом виде на азиатском континенте. Два государства, два члена Лиги и Совета подвергаются нашествию чужеземных военных сил — сухопутных, морских и воздушных. Коммерческие, как и военные, корабли третьих стран становятся жертвами всевозможных нападений. Главнейшие водные пути стали небезопасными от пиратства, морского и воздушного. Наносится ущерб международной торговле, ценные грузы незаконно конфискуются и пускаются ко дну, команды судов берутся в плен или уничтожаются, на морях царствует полнейший произвол и разбой, попираются нормы элементарнейшие нормы международного права. На днях пришлось создать международную морскую полицию и выработать правила гуманизации войны в мирное время.

На азиатском материки без объявления войны, без всякого повода и оправдания одно государство нападает на другое — на Китай — наводит его сотнями тысяч армий, блокирует его берега, парализует торговлю в одном из крупнейших мировых коммерческих центров. И мы находимся, повидному, лишь в начале этих действий, продолжение и конец которых не поддаются еще учету. В Европе другое государство — Испания — уже второй год продолжает подвергать нашествию организованной иностранной армии, его прекрасная столица — Мадрид — и другие города подвергаются изо дня в день жестокой бомбардировке, уничтожающей десятки тысяч человеческих жизней, огромные материальные и культурные ценности. Другой город — Альмерия — подвергается канонаде с иностранных военных судов; и все эти действия совершаются иностранными государствами, которым не должно было быть никакого дела до происходящей в Испании гражданской войны.

Напрасно стали бы мы искать отражения этих событий в докладе секретариата Лиги нынешнему пленуму. Лига наций, призванная гарантировать целостность государств, состоящих ее членами, охраняющая мир и международный порядок, обеспечивающая соблюдение международных договоров и уважения международного права, остается в стороне от этих событий, не реагируя на них. Хуже того — укрепляется мнение о необходимости, главным образом, охранять то что бы то ни стало Лигу наций, как красную девицу, от дурновлияния этих потрясающих событий, изолируя ее от них.

В основе такой нежной заботливости о Лиге наций лежит ошибочное мнение о том, что Лига наций не может бороться с агрессией, произволом, беззаконием и международным разбоем, вследствие отсутствия в ней виновников этих явлений. Предполагают, что борьба с агрессией может быть успешной лишь... в сотрудничестве с самим агрессором. Опыт такого успешного сотрудничества уже проделан. Испанский вопрос был изъят из Лиги наций и передан в специально созданный лондонский комитет как называемое невмешательством, чтобы получить сотрудничество главных виновников испанской трагедии, которые не выносят жеваного слова. Результаты этого опыта налицо и всем известны. Подписывались соглашения, которые немедленно нарушались, принимались резолюции, которые не соблюдались, выработывались схемы и планы, которые саботировались и орывались, и все это под аккомпанемент хлопанья дверцы нечестными не в меру, но солидарно кангазничавшими членами комитета, что повелись его, то вновь туда возвращались.

Лондонский комитет не достиг, конечно, ни одной из поставленных им себе целей. При формальном запрещении вывоза оружия в Испанию, снабжение мятежников всеми видами оружия для действий на суше, на море и в воздухе — в государственном масштабе — не прекращались. Вопреки обязательству о запрещении иностранным гражданам выезда в Испанию для участия в военных операциях, десятки тысяч людей в военных формах, целыми дивизиями в полном вооружении уехали с офицерами и генералами до-стаивались в помощь испанским мятежникам на виду у всех непосредственно из портов стран, возмущавших на себя упомяну-

тое формальное обязательство. Это — не догадки, а факты, которые не скрываются самими нарушителями этих обязательств и о которых открыто пишет их пресса, о которых мы узнаем из официальных приказов, из печатаемых списков раненых и убитых, из обмена официальными телеграммами. Добавьте к этому крейсерование вокруг Испании иностранных военных судов, помогающих мятежникам своей разведкой, обстрелом испанских портов (случай с Альмерией) и даже потоплением нейтральных коммерческих судов, то есть участие в блокаде республиканской Испании, и вы поймете, почему о невмешательстве в испанские дела нельзя больше говорить без иронии.

Таковы результаты деятельности организации, освобожденной от духа Женевы и отвечающей требованию универсальности. Я рекомендую эти результаты вниманию апологетов универсальности. Пусть они придумывают над причиной этих результатов, и они убеждаются в иллюзорности надежд на успешное сотрудничество между государствами, преследующими разные цели, имеющими противоположные концепции о международной жизни, о правах и обязанностях народов между собой, надежд на сотрудничество между искренними сторонниками невмешательства во внутренние дела других государств, защитниками права каждого народа на самостоятельное определение своего внутреннего режима и столь же искренними и открытыми сторонниками вмешательства в чужие дела и навязывания другим государствам того или иного режима штыком и бомбой. Метод агрессивный и не агрессивный, между миром и войной не может быть синтеза.

С другой стороны, мы имели опыт двух конференций в Монтре и совсем недавней в Нионе, удачно и быстро выполнявших свои задачи, несмотря на отсутствие универсальности, то есть отсутствие тех государств, под привлечением которых понимается здесь универсализм. Вывод напрашивается сам собой. Дело не в универсализме, а в том, чтобы участники всякой международной организации или конференции при всем различии их национальных интересов были объединены общей, объединяющей их универсальной идеей, каковой является идея мира, идея уважения самостоятельности и независимости всех народов, идея изгнания силы как оружия национальной политики, идея, положенная в основу устава Лиги наций и пакта Бристана-Беллово.

Мы знаем три государства, которые отмежевались от этой идеи и в течение последних лет совершали нападения на другие государства. При всех различиях режимов, идеологии, материального и культурного уровня объектов нападения, в оправдание агрессии всеми тремя государствами приводится один и тот же мотив: борьба с коммунизмом. Правители этих государств наивно думают, или скорее делают вид, что думают, что стоит им провозгласить слово «антикоммунизм» и все их международные злодеяния и преступления должны быть прощены. Хотя они хвалятся, что им удалось искоренить коммунизм в их собственных странах и что они получили полный иммунитет от него, они в порыве неискряемой любви к ближним и дальним народам объявляют своей миссией изгнание этих народов от коммунизма. При помощи идейной борьбы? О, нет! При помощи всех находящихся в их распоряжении военно-воздушных, сухопутных и морских сил. Они, во исполнение своей добровольно взятой на себя миссии по благодетельствованию всех народов, готовы не жалеть никаких сил и средств своего собственного народа, готовы сократить до минимума его элементарнейшие материальные потребности и послать его на голодный паек, лишь бы иметь достаточно оружия для искоренения в других странах коммунизма.

Это, конечно, открытая идеология вооруженного вмешательства во внутренние дела других народов, полного презрения к их самостоятельности и независимости. Я вас спрашиваю, как бы выглядел мир, если бы этой идеологией прониклись другие народы и шли походом друг на друга ради навязывания друг другу того или иного внутреннего режима. Впрочем, по моему основанию этой идеологии сами начинают сомневаться в ее убедительности и призрачности, в качестве руководящей международной идеи. Они тогда спускаются с своих идеологических высот и дают нам более прозаическое объяснение своих антикоммунистических лозунгов. Мы тогда узнаем, — чего мы не найдем в энциклопедическом словаре, — что антикоммунизм имеет также геологический смысл и означает тягу к олову, цинку, ртути, меди и другим металлам. Когда же и это объяснение оказывается недостаточным, тогда антикоммунизм раскрывается как жажда выгоды от торговли. Нам говорят, что такой торговли можно лишиться, если Испания окрасится в коммунистический цвет. Я сомневаюсь, однако, чтобы это были самые последние и исключительные объяснения антикоммунизма. Ведь мы знаем уже пример одного коммунистического государства, богатого минералами и другим сырьем, которое не отказывалось вывозить эти минералы и сырье в другие страны, вести с последними весьма об-

ширную торговлю при любых режимах, господствовавших в этих странах, включая даже режим фашистский и национал-социалистский. Более того, эти же страны весьма охотно получали от коммунистических государств минералы и другое сырье, не только не отказываясь от торговли с ним, но и стремясь к максимальному расширению этой торговли, предлагая наиболее выгодные для этого условия. Мы видим, таким образом, что коммунизм не является помехой международному товарообмену с любым государством при условии, конечно, что последнее соблюдает хотя элементарные международные приличия, не ругается по-базарному, не хулиганствует и не заявляет открыто, что выгоды от торговли пойдут на увеличение вооружений для нападения на контр-агента.

Но любое объяснение антикоммунизма в республиканской Испании не применимо и потому, что там коммунистическое строя не было и нет и что, насколько нам известно, испанский народ борется за сохранение своего республиканско-демократического режима, против сил реакции и военной диктатуры. Вот почему приходится думать, что в дальнейшем мы получим новое или дополнительное объяснение антикоммунизма, может быть в области политической, стратегической или иной.

Необходимо добавить, что плоскость приложения антикоммунистического лозунга все более и более расширяется. Когда теперь говорят о большевистском режиме, подлежащем искоренению, то часто добавляют слова «и тому подобным режимам». Приходится верить слышать, что все демократические парламентские страны находятся накануне большевизации. Отсюда недалеко до утверждения о необходимости благодетельствования и спасения их от грознейшей либеральной, как и в случае с Испанией, путем вооруженного вмешательства и нападения. Мы имеем пример Китая, который в ряд ли можно отнести даже к числу стран с парламентским режимом в строгом смысле этого слова. Тем не менее нападение на него тоже совершается под лозунгом борьбы с коммунизмом. Мы видим и в самой Европе, как страны, намеренные, по общему мнению, объектом ближайшей агрессии, заранее объявляются большевизированными, или подпадающими под большевистское влияние с целью последующего оправдания намеренной агрессии. Любая страна, которая стала бы предметом волеизъявления агрессивных государств, может быть объявлена подозрительной по большевизму, ибо никакие доказательства не требуются, а достаточно лишь изо дня в день повторять одно и то же в унифицированной печати и в официальных речах, исходя из предположения, что неправда может казаться истинной при частом ее повторении.

Я уверен, что все здравомыслящие люди отлично понимают вздорность антикоммунистического лозунга и те агрессивные побуждения, которые им маскируются, но на вежливости, вряд ли в данном случае уместной, молча высказывают и прочтывают этот вздор. Опасность состоит в том, что это молчание может быть понято агрессором как согласие с оправданностью его агрессивных намерений или действий со всеми вытекающими отсюда печальными

последствиями для дела мира. Я думаю, что пора покончить с этим опасным агитационным оружием агрессии. Что пора тем, кому действительно дороги интересы мира, сказать высокопоставленным государственным деятелям, что вздор, повторяемый изо дня в день, не перестает от этого быть вздором, что агрессия надо называть агрессией, каким бы лозунгом она ни украшалась, что каков бы ни был смысл антикоммунизма — минералогический ли, коммерческий, стратегический, или иной, — не могут получить международного оправдания прикрываемые им агрессия, вооруженное вмешательство, вторжение в чужие государства и шарошение международных договоров. Пора также сказать, что они — проповедники бесноватого человеконенавистничества — не смеют ратовать за интересы человечества, что они — воскресители самой дикой, отжившей теории времен азиатства и средневековья — не смеют говорить от имени современной Европы, что они — защитники лучших произведений человеческого духа, гонители самых блестящих представителей науки, искусства и литературы, презираемые всем культурным миром, — делают себя смешными, когда говорят о спасении цивилизации и призывают во имя этого к крестовым походам против других народов.

Подобными заявлениями была бы оказана величайшая услуга делу мира.

На днях кампания по оправданию агрессии в Испании обогатилась новым абсурдным утверждением, будто Советский Союз стремится завоевать Испанию или, по крайней мере, обеспечить политическое влияние на Испанию и тем нарушить равновесие в Средиземном море. Правду сказал здесь на днях испанский премьер-министр г-н Негри, что Советский Союз за все время испанского конфликта от Испании ничего не просил, ничего не добивался и ничего не добывается. У Советского Союза нет в Испании ни минералогических, ни экономических, ни стратегических интересов, ни даже соображений так называемого равновесия. Его интересует исключительно утверждение права каждого народа определять свой внутренний режим собственным решением без вмешательства иностранных государств, а тем более иностранных войск, и недопущение создания в Испании нового опорного пункта для агрессии против всей Европы. Хотя советское правительство с самого начала не признавало и не признает по настоящее время равноправия сторон в испанском конфликте, оно тем не менее присоединилось ко всем соглашениям о невмешательстве и к предложению об изъятии из военных операций всех не испанских элементов. Заключая международное соглашение, советское правительство, естественно, имеет право заблудиться о том, чтобы оно не было обмануто при сохранении обязательности соглашения для одних и фактической необязательности для других.

Господа, об угрозах миру говорить теперь не приходится. Но мир уже нарушен. Не объявленная война ведется на двух континентах и отзвуки и отражения ее трудно предвидеть. И вот, когда мы собираемся в единственной международной организации по охране мира и спрашиваем себя, что можно сделать для устранения международного неблагополучия,

для приостановки совершившейся агрессии, для оказания эффективной помощи ее жертвам, для предотвращения агрессии, угрожающей другим странам, и для оздоровления международной атмосферы, мы здесь услышали ответ: универсализм, — вот наше спасение. Есть государства, которые в Лигу наций никогда не входили, есть такие, которые входили и уходили, надо спросить тех и других, — не хотят ли они прийти или вернуться к нам и на каких условиях и чем, по их мнению, Лига должна заниматься. К этому, по мнению некоторых делегатов, сводятся задачи дня.

Этот вопрос нами обсуждался и на прошлоргоднем пленуме Лиги, и я тогда же указал на отсутствие среди нас принципиальных противников универсализма. Вопрос лишь в том, достигим ли он, какой ценой, может ли он при данных условиях дать положительные результаты и действительно ли Лига без него совершенно беспомощна. Мы все не забываем ни на одну минуту и искренне сожалеем об отсутствии в Лиге такой могущественной великой державы, как Соединенные Штаты Америки. Мы знаем глубокое миролюбие американского народа, его искреннее отвращение к войне. Мы знаем преданность идеалам Лиги наций нынешнего президента США и государственного секретаря. Мы знаем, какую огромную лоббачную силу приобрела бы Лига в лице этого государства. Я считал бы, однако, неуместностью в отношении его мысль о том, что оно готово стать членом Лиги, но жет лишь нашего запроса или приглашения, чтобы самому не одевать первого шага. Крупное, сознающее свою мощь государство не может руководствоваться подобными мелкими престижными соображениями. Я убежден, что если бы американское правительство находило возможным присоединиться к Лиге наций на каких-либо условиях, то оно не стало бы ожидать нашего запроса или приглашения и нашло бы путь, чтобы нам об этом дать знать. Иным не может быть отношение к этому вопросу всякого другого крупного государства, которому дороги интересы мира и международного сотрудничества.

Уважаемый представитель Чили нам назвал здесь несколько южно-американских государств, которые всего год или 2 тому назад покинули Лигу, как Гондурас, Гватемала, Сальвадор, Никарагуа и Парагвай. Мы сожалеем об их уходе, ибо мы ценим сотрудничество всех стран, больших и малых. Я не думаю, однако, что и уважаемый представитель Чили мог думать, что возвращение в Лигу наций этих нескольких государств явилось бы ключом к разрешению стоящих перед нами проблем, и что мнимая беспомощность Лиги протестует от их отсутствия. Я склонен думать, что, говоря об универсализме, имеют в виду преимущественно те именно три великие державы, которые уже были в Лиге и хлопнули дверью и политику которых я вам только что охарактеризовал.

Нам рекомендуют запросить о том, как Лига лучше всего бороться с агрессией, обеспечить самостоятельность и независимость всех членов Лиги — запросить те государства, которые открыто проповедали, проповедают и практикуют агрессию и вооруженное вмешательство в дела других государств и необязательность международных договоров. Разве все их политика не является красочным ответом на предполагаемый запрос? Разве они скрывают свое отрицательное отношение к коллективным мерам борьбы с агрессией? Разве они не предполагают предоставить каждое государство своей собственной судьбе, признавая взаимную помощь лишь в общей агрессии? Разве история лондонского комитета по невмешательству не дает нам достаточно ясного представления о том, как они понимают коллективные обязательства и соблюдение их. Наконец, мы достаточно знакомы с перипетиями и переговорами последних лет в связи с нарушением Локкарнского договора, чтобы знать, что рекомендуемый нам теперь запрос о возможности возвращения в Лигу и даже об условиях этого возвращения давно им послан. Я не помню, был ли дан ответ на этот запрос, я не знаю, будет ли ответ на естественный запрос от имени Лиги, но, если он и будет дан, то, как бы он ни был изложен, его смысл может быть лишь один: в Лигу мы не вернемся, мы готовы вернуться при условии, что она не будет мешать нашим агрессивным планам, что Лига откажется от защиты своих членов, признает расовую иерархию народов, право господства одних над другими и навязывания последнего режима первым. Нужен ли универсализм в таких условиях? Не сомневался в ответе на этот вопрос большинства членов Лиги.

Вопрос об универсализме возник в связи с поставленной перед нами задачей реформы Лиги. Согласно резолюции, принятой чрезвычайным пленумом, реформа должна быть произведена в направлении усиления Лиги, повышения ее эффективности в борьбе с агрессией. В ответе, полученных на анкету от членов Лиги, имеется достаточно ценных указаний и предложение, на основании которых мы можем непосредственно приступить к работе и

закончить ее, конечно, при наличии доброй воли. Но, если усиление Лиги не отвечает желаниям всех ее членов, а об этом как-будто свидетельствовали предложения об обращении к охарактеризованным членам Лиги, то бесполезно и нецелесообразно продолжать начатую работу. Лучше отложить ее до лучших времен, ибо в нынешнем ее виде Лига остается немаловажным элементом потенциала мира.

Реформа Лиги во всяком случае требует много времени, а нынешнему пленуму предстоит разрешение больших насущных проблем. Мы имеем призыв о помощи двух членов Лиги — жертв агрессии. Этот призыв ставит Лигу перед большим испытанием. Она не может сохранить какой бы то ни было авторитет, сохранить даже свое существование, бесконечно отклоняясь от выполнения своих обязательств и регистрируя свою беспомощность. Я убежден, что Лига наций и в ее нынешнем составе может оказать как Испании, так и Китаю, более сильную помощь, чем эти страны способны от нее просить и этим она не только не увеличит, но уменьшит шансы новых международных осложнений. Мы рискуем лишь вызвать неудовольствие, и может быть даже громадное неудовольствие, виновников нынешнего международного хаоса, подвергнуться нападению со стороны их беспартийной прессы. Я знаю, что многие весьма чувствительны к мнению этой прессы, которая также провокационна и агрессивна в своих методах, как и правительства, дающие ей приказания. Но я предпочитаю что-нибудь сделать для того, чтобы пощадить жизни десятков и сотен тысяч жертв эвентуального расширения или продолжения агрессии, нежели падать чувство самолюбия агрессоров.

Господа, что может и должна делать Лига перед лицом агрессии? Мы знаем сентенцию одного английского писателя, что лучший способ избавиться от соблазна — это уступить ему. Я знаю, что есть такие политические мудрецы, которые думают, что и от агрессии лучше всего избавиться путем уступок ей. Они утверждают испанский народ за героическое сопротивление, которое он оказывает мятежным генералам и стоящим за ними государствам. Они полагают, что и Китай поступил бы мудро, если бы он без боя уступил ультимативным требованиям агрессора и добровольно стал его вассалом. Но Лига наций не для того существует, чтобы давать подобные советы, — не оправдает ее существование Лига наций и в том случае, если она, воздерживаясь от подобных советов, сама останется пассивной, со ссылок на свою слабость, на свою недостаточную универсальность, на неучастие в ее обсуждениях виновников агрессии, не желающих подчиняться ее решениям. Этот путь был уже испробован и привел к положению, которое все ораторы на этой трибуне оплакивали. Этот путь привел к потерям одними государствами — членами Лиги огромнейших территорий с десятками миллионов населения, к другим самого своего существования в качестве государства. Можно считать теперь асимметрией, что пассивность Лиги во время манчжурского конфликта имела своими последствиями несколько лет спустя нападение на Абиссинию. Недостаточная активность Лиги в случае с Абиссинией поощрила испанский экспансионизм. Непринятие Лигой никаких мер в помощь Испании поощрило новую атаку на Китай. Таким образом мы имеем 4 агрессии на протяжении 5 лет. Мы видим, как агрессия, не будучи приостановлена, перебарывается с одного материка на другой, принимая каждый раз все большие и большие размеры. С другой стороны, я твердо убежден, что решительная политика Лиги в одном случае агрессии побуждала бы нас от всех остальных случаев. И тогда, и только тогда, все государства убедились бы, что агрессия нерентабельна, что агрессия не следует предпринимать. Только в результате такой политики в наши двери постучатся бывшие члены Лиги наций, и мы им радостно скажем: «Войдите». Мы их спросим об их мирозерцании, о господствующей в них внутренней политике, ибо Лига наций признает мирное сосуществование любых существующих режимов и тогда осуществится наш общий идеал универсальной Лиги, сохранившейся в качестве оружия мира. Но этого идеала мы не достигнем расхожим языком, а достигнем лишь коллективным отпором агрессии, коллективной защитой мира, который нам всем необходим и благами которого мы все будем пользоваться.

После речи тов. Литвинова со всех сторон раздались дружные аплодисменты, и много делегатов поспешили поздравить его с замечательным выступлением. В кулуарах делегаты и журналисты подходили к членам советской делегации и представителям советской печати, заявляя, что это — самая сильная речь, которую они когда-либо слышали за все годы существования Лиги. Даже обычно недружелюбно настроенные в отношении советской делегации круги признали, что речь произвела глубочайшее впечатление.